

Ева Тулуз – ученый с мировым именем, переводчик, главный редактор научного журнала "Études finno-ougriennes" (Франция), преподаватель финского и эстонского языков в Париже (INALCO), старший научный сотрудник кафедры этнологии Тартуского университета (Эстония). Свою докторскую диссертацию она защитила по теме «Письменная культура и национальное самосознание у удмуртов до 1940 года». Данное интервью о том, как помогает знание языков для продвижения в карьерном росте.

Отношение к многоязычию в разных европейских странах складывается по-разному. Но большинство современных европейцев считает, что знание нескольких языков – это одно из главных богатств человека. Современная Европа отличается большим количеством смешанных браков. И, будучи преподавателем в университете, я отлично вижу, как меняется мир в сторону мультикультуральности и мультилингвизма. В частности, один только пример: многие эстонские девушки выходят замуж за французов. Проживая во Франции, они активно обучают эстонскому языку своих детей, сохраняя традиции и культуры своей страны. С другой стороны, отцы-французы приходят к нам в INALCO учиться эстонскому языку, чтобы быть ближе к своей семье. Мне кажется, что современные родители становятся все более сознательными в выборе языка, они лучше понимают, что знание нескольких языков позволяет ребенку по-иному взглянуть на мир.

Сама я не очень люблю, когда у меня спрашивают, сколько языков я знаю. Потому что знать язык и понимать язык – это разные вещи. Я считаю, что есть отношение к языку, и эти отношения разные. Если я бы сказала, что я знаю 9 языков – это бы не соответствовало действительности, т.к. я владею ими в разной степени. Лучше сказать, что у меня есть отношение к 9 языкам.

Прежде всего, это родные языки. Их у меня три: итальянский, португальский и французский. Но их я употребляю тоже по-разному.

Моя мама – итальянка. Я всегда с ней говорила на итальянском языке. Она давала мне читать всю классику итальянской литературы, поэтому я хорошо знаю итальянскую культуру, хотя никогда отдельно не занималась

изучением итальянского языка. Благодаря этому в конце 1980-х гг. я прошла конкурсное испытание на преподавателя итальянского языка и проработала несколько лет преподавателем итальянского языка.

Португальский язык – это язык моего отца. С ним я всегда говорила только по-португальски. И даже когда в преклонном возрасте мой отец начал общаться со мной по-итальянски, я отвечала ему только по-португальски. Позднее, когда он ушел из жизни, я почувствовала потребность написать статью о нем и о его влиянии на меня. Как ни странно, я смогла написать работу только на португальском языке, хотя до этого не писала на этом языке и не учила его в школе. Португальский язык стал для меня языком эмоций, воспоминаний, языком духовной близости с отцом.

Французский язык был языком моего школьного образования. Когда я родилась, мои родители жили во Франции, т.к. отец был лектором португальского языка во Франции. В нашей семье каждый из родителей разговаривал со мной на своем языке. Это было их сознательное решение. Но мне как ребенку хотелось общаться с другими детьми, играть с ними. Так я приобщилась к французскому языку. Меня отдали в французскую школу. Так французский язык стал тем языком, на котором я пишу научные труды, на который перевожу другие литературы. В последние годы я приучаю себя писать научные работы и на итальянском языке, однако это для меня не совсем комфортно.

Постепенно в мою жизнь входили и языки так называемого широкого общения. И среди них сегодня важное место занимает английский язык. Я свободно разговариваю и пишу на английском языке. Хотя это не мой родной язык, но я свободно устно перевожу с английского на французский и с французского на английский. В этой области я имею аккредитацию в Европейском Союзе.

Приобщение к этому языку у меня началось еще в детстве. В частности, когда мы жили в Португалии. В Португалии фильмы не дублируются на другой язык. Поэтому каждый раз, когда мы ходили в кино, это был урок

английского языка. Позднее, когда мы переехали во Францию, в нашей школе многие преподаватели были либо англичане, либо американцы. Кроме того, в каждом классе училось несколько учащихся-носителей языка. Поэтому уровень владения английским языком к окончанию школы у меня был довольно высоким. Даже после окончания школы я много читаю художественную и научную литературу на английском языке. Могу сказать, что я очень люблю английскую литературу.

С русским языком у меня целая история. Я никогда не занималась изучением русского языка. В 10 лет мне в руки попала книга, которая была написана тогда еще на непонятном для меня языке. Поскольку моя мама училась в Римском университете, это была грамматика русского языка, а второй книгой на русском языке стал сборник народных песен. Другой алфавит, другое начертание букв пробудили во мне интерес к этому непонятному языку. Я стала самостоятельно «расшифровывать» этот язык. А когда мне было 12 лет, в Лиссабоне показали фильм «Война и мир». Моему восторгу не было предела, когда я смогла понять отдельные слова, прочитать титры. Та деятельность по изучению «языка ради забавы» нашла успешное применение в реальной жизни. Это мне настолько понравилось, что мы 14 раз сходили на просмотр этого фильма. И, наверное, нужно отдельно поблагодарить одного испанского ученого, близкого друга моего отца по имени Эухенйо Асенсио, который, услышав от него о моих эмоциях, подарил мне «Войну и мир» в четырех томах. Это было издание 1919 года. И даже то, что книга начиналась по-французски, во мне пробудило столько желания освоить этот язык, что я самостоятельно изучать русский язык, сравнивать его с другими языками. Позднее появилась возможность путешествовать в Советский Союз. Языковая среда сформировала практику общения. Несмотря на то, что теоретической базы по русскому языку у меня нет, я свободно говорю по-русски. Сегодня русский язык – это язык моего общения в России. Я много читаю научной литературы на русском языке. Мне кажется, знание

русского языка, интерес к которому во мне пробудили в 12 лет – это большой подарок от моих родителей.

Отдельных слов требуют финно-угорские языки. Изучение этих языков – это уже мое сознательное решение. Первым из них я начала изучать венгерский язык. В 1977 году я была в молодежном лагере в Венгрии. На этом форуме принимало участие 50 французов и 50 венгров, 13 из которых владели французским языком. Мы очень тесно общались, проводили различные дебаты и дискуссии на актуальные по тем временам темы. Это было живое общение, интересные собеседники. В магазинах Венгрии было много интересных книг на венгерском языке. Но меня поразило еще то, что, в отличие от других языков, которые я знаю, венгерский язык – это непрозрачный язык. В частности, лексема аптека во многие языки переводится либо созвучно, напр., немецкое *Apotheke*, финское *apteekki*, либо созвучно со словом фармакология, напр. испанское *farmacia*, итальянское *farmacia*, португальское *farmácia* и др. А венгерском языке оно не имеет никакого отношения к этим словам: *gyógyszertár*. И это мне мешало приобщаться к венгерской культуре. Поэтому я купила учебник венгерского языка и сказала друзьям: я начну изучать венгерский язык. С большим интересом и тогда, и сейчас я относилась к венгерской поэзии, очень мелодичной, глубокой и важной, чтобы понимать венгерскую культуру, венгерское национальное самосознание. Когда я приехала домой во Францию, у узнала, что и в нашем университете преподают венгерский язык. Несмотря на то, что поначалу у меня были опасения, смогу ли я осилить венгерский язык на университетском уровне, после первой встречи с моим преподавателем венгерского языка они исчезли. Это был замечательный педагог, творческая личность Жан-Люк Моро, который оказал большое влияние и на развитие моего последующего творческого пути. Именно он дал толчок на изучение еще нескольких финно-угорских языков.

Я никогда не думала, что буду изучать финский язык. Но когда Жан-Люк Моро на своих занятиях по-венгерскому языку постоянно отсылал нас к

финским параллелям, мне захотелось познакомиться с финским языком поближе. Так я начала изучать и этот язык.

Эстонским языком я в то время не занималась, несмотря на то, что в нашем университете был эстонский лектор. Основной причиной моего безучастного отношения к этому языку было то, что я не принимала его как преподавателя. Лишь позднее я поняла, что у нас были разный менталитет. Поэтому, на мой взгляд, очень важно, чтобы на начальном этапе изучения языка преподаватель был бы одной культуры с обучающимися. Носитель языка должен преподавать уже на продвинутом уровне. Но все-таки к эстонскому языку меня снова привел Жан-Люк Моро. Мы с ним начали работать над переводом произведений эстонского писателя Яна Кросса. Нужно подчеркнуть, что тогда еще только-только начали появляться первые компьютеры. И мы с Жан-Люком решили нашу работу организовать таким образом, что он свой вариант перевода на французский язык начитывал на магнитофон, а я набирала текст на компьютере. Потом мы еще раз проверяли перевод. Так мы перевели два романа Я. Кросса. Совместная работа пробудила большой интерес к эстонскому языку, и вскоре я оказалась на курсах эстонского языка в Эстонии. А теперь эстонский язык стал моим четвертым родным языком. Я свободно говорю и пишу на эстонском языке, у меня очень часто бывают гости-эстонцы.

С удмуртским языком не такая легкая история. В 1990-е годы я много внимания уделяла изучению эстонскому языку, поэтому не в полной степени занималась удмуртским языком. Но, несмотря на это, я могу дешифровать тексты для моей диссертации, понимать содержание разговора на удмуртском языке. Но у меня есть мечта, что благодаря нашим контактам с Удмуртским государственным университетом, мы сможем организовать дистанционные курсы удмуртского языка. И я стану первой ученицей на этих курсах.

В целом, я бы хотела сказать, что язык – это самое большое богатство, которое родители могут подарить своему ребенку. Через язык открывается путь к другой культуре. Неважно, сколько человек говорит на этом языке,

важно то, что через каждый новый язык открывается новое мировосприятие,
новые возможности для ребенка.